

Некоторые особенности текстовой функции сказуемого

Елизавета Костанди

Подход к предложению, при котором функциональная сущность членов предложения рассматривается с точки зрения формирования структуры языкового события, обусловленной фокусом восприятия внеязыкового и моделирования языкового события, в последние десятилетия стал одним из основных в синтаксисе. Такая интерпретация позволяет выйти за рамки предложения, соотносить синтаксическую структуру с коммуникативно-прагматическими факторами и с текстовым уровнем. Некоторое время такой подход реализовывался прежде всего при анализе подлежащего, которое характеризовалось как выполняющее “упаковочную” функцию, как фокусировка события, как точка зрения на событие (Чейф 1982; Кинэн 1982). В настоящее же время все больше появляется исследований, в которых и сказуемое рассматривается с функциональной точки зрения, с учетом множества разнообразных коммуникативно-прагматических факторов. Некоторые коммуникативно-прагматические функции сказуемого нами также уже рассматривались в одной из предыдущих работ (Костанди 1996), основная мысль которой заключалась в том, что изменение типа сказуемого, как правило, связано с изменением фокуса восприятия внеязыкового и моделирования языкового события, отмечалась особая роль в этом составного сказуемого, обусловленная тем, что введение связки между субъектом и предикатом влечет за собой появление дополнительных коннотаций. Обобщая уже высказанные ранее наблюдения, следует отметить, что дополнительная “субъективность” составного сказуемого (связки) проявляется в двух основных аспектах, которые тесно взаимосвязаны и разграничены могут быть только достаточно условно.

Во-первых, в силу лексического значения связки в устанавливаемое в высказывании соотношение субъекта и предиката вносятся дополнительные коннотации (ср.: *мечтал вернуться, хотел уехать, любил поспать, соизволил написать, надумал приехать, желает знать, должен вернуться, рад увидиться, не в состоянии работать, имел мужество заступиться, задается целью рассмешишь*). Именно этот аспект достаточно хорошо описан в существующей литературе (Лекант 1976), поэтому в данной работе нет необходимости его подробно рассматривать.

В значительно меньшей степени привлекала внимание исследователей другая особенность связочного компонента — содержащаяся в нем отсылка к субъекту, воспринимающему, моделирующему, оценивающему соотношению предмета (предикации) и его признака, отсылка к более широкому контексту, к различного рода пресуппозициям. Некоторые аспекты текстовой функции связки в определенном типе высказываний рассматривались С. Н. Туровской (Туровская 1998). В этой связи именно этому аспекту нами было уделено основное внимание в упоминавшейся выше работе (Костанди 1996).

В настоящей работе остановимся на некоторых особенностях использования разных типов сказуемого в тексте. Предварительно следует отметить, что сказуемое является одним из важнейших компонентов организации текста, поскольку предполагает в силу своих грамматических показателей, семантики и вытекающей из нее валентности динамику, сюжетность, развертывание текста и особенности отдельных типов сказуемого, конечно, соотносятся с этими его потенциально текстовыми свойствами.

Говоря об использовании разных типов сказуемого в тексте, также следует отметить, что типах текстов, в текстах, относящихся к разным стилям, в разных конкретных текстах использование разных типов сказуемого различается и количественно и функционально. Так, например, в ряде типов официально-деловых текстов практически не используются составные глагольные сказуемые с фазисной связкой, хотя и формальные правила и семантика такое использование допускают, однако оно противоречит прагматической направленности этих текстов.

Рассмотреть все особенности использования разных типов сказуемого с разными связками в тех или иных типах текстов с точки зрения их соотношенности с коммуникативно-прагматиче-

ской направленностью текста в одной статье не представляется возможным, это нуждается в тщательном детальном изучении. Можно только отметить как общую закономерность то, что в текстах, более субъективно окрашенных, как показали наблюдения над материалом, используется большее число составных сказуемых, выполняющих более разнообразные функции.

Один из важнейших, на наш взгляд, аспектов проявления текстовой функции сказуемого — роль разных типов сказуемого в линейной и вертикальной организации текста, в формировании его структуры. Разумеется, говорить здесь о каких-либо правилах невозможно, речь может идти только о некоторых, зачастую очень слабо выраженных, тенденциях, проявляющихся в разных текстах в разной степени. Остановимся на одной особенности использования разных типов сказуемого в художественных текстах, которую можно обнаружить, обратившись к следующим примерам:

Прадеда Красовых, прозванного на дворе Цыганом, затравил борзыми барин Дурново. Цыган отбил у него, у своего господина, любовницу. Дурново приказал вывести Цыгана в поле, за Дурновку, и посадить на бугре. Сам же выехал со сворой и крикнул: “Ату его!” Цыган, сидевший в оцепенении, кинулся бежать. А бежать от борзых не следует. (И. Бунин. Деревня.)

Данный фрагмент является начальным абзацем текста, в первой части которого рассказывается о некотором событии, о ряде действий, последнее же предложение представляет собой своего рода заключение, вывод и одновременно основу для дальнейшего развертывания текста. Опираясь на предшествующий контекст и предполагая дальнейшее развертывание текста, составное сказуемое выполняет тем самым ретро-и проспективную функцию в организации связного текста. Аналогичную структуру имеет и следующий фрагмент:

Заводской гудок протяжно ревел, возвещая начало рабочего дня. Густой, хриплый, непрерывный звук, казалось, выходил из-под земли и низко расстилался по ее поверхности. Мутный расцвет дождливого августовского дня придавал ему суровый оттенок тоски и угрозы.

Гудок застал инженера Боброва за чаем. В последние дни Андрей Ильич особенно сильно страдал бессонницей. Вечером, ложась в постель с тяжелой головой и поминутно вздрагивая

точно от внезапных толчков, он все-таки забывался довольно скоро беспокойным, нервным сном, но просыпался задолго до света, совсем разбитый, обессиленный и раздраженный.

Причиной этому, без сомнения, было нравственное и физическое переутомление, а также давняя привычка к подкожным впрыскиваниям морфия, — привычка, с которой Бобров на днях начал упорную борьбу. (А. Куприн. Молох.)

В первых двух абзацах текста повествуется о ряде событий, последний абзац также является одновременно завершением предыдущего контекста и основой для последующего. Такое построение может встречаться и не в начале текста, как, например, в следующем фрагменте:

Тут же, об этот предел рукой подать, начинался хаос. Такой хаос царил на вокзале. Носовые платки и проклятия сходили здесь со сцены. Люди, мновение назад почитавшие чуть что не пыткой естественное передвижение, здесь, ухватясь за чемоданы и картонки, бушевали у кассы, как угорелые набрасывались штурмом на обуглившиеся вагоны, осаждали ступеньки и, меченные сажеей, как трубочисты, врывались в отделения, перегороженные горячею коричневой фанерой, которая, казалось, коробилась от жару, ругани и увесистых толчков. Вагоны горели, горели рельсы, горели нефтяные цистерны, паровозы на запасных путях, горели сигналы и расплющенные парами исходящие вопли далеких и близких локомотивов. Семена своими встывками, щекочущим насекомым засыпало на щеке машиниста и на кожаной куртке кочегара тяжкое дыхание растворенной топки: горели машинист с кочегаром. Горел часовой циферблат, горели чугунные перекаты путевых междоузлий и стрелок; горели сторожа. Все это находилось за пределами человеческой выносливости. Все это можно было снести. (Б. Пастернак. Аpellесова черта.)

Художественный прозаический текст характеризуется регулярным сочетанием статики и динамики, то есть компонентов, связанных с развитием действия, с сюжетностью, и более статичного фона, авторских отступлений, пояснений, оценок, выводов, компонентов текста, в которых возрастает степень субъективности, прагматизированности. Важнейшими признаками художественного текста являются также его многослойность, многоуровневость и ориентация на особое восприятие текста, при

котором, по словам Ю. М. Лотмана, происходит постоянная борьба между автором и читателем, в результате чего автор “навязывает” адресату “свою модель мира, свое понимание структуры действительности” (Лотман 1994: 220–221). Обращение к материалу показывает, что определенную роль в формировании этих свойств художественного текста и в организации связного текста играет и тип сказуемого. Приведенные выше фрагменты текстов разных авторов, разумеется, существенно отличаются друг от друга по целому набору индивидуальных признаков, однако обладают и некоторой общностью, заключающейся в том, что они имеют сходную структуру. Достаточно отчетливо выделяется часть текста, в которой на первый план выдвигаются повествовательный и описательный компонент и моделируется несколько более отстраненная, однако, разумеется, не полностью, точка зрения, присутствие субъекта речи не актуализируется, вторая часть, меньшая по объему, завершающая фрагмент, представляет собой определенный вывод, заключение к первой, ее оценку, тяготеет к метатекстовости. При этом в первой части преимущественно используются простые глагольные сказуемые (*затравил, отбил, приказал, выехал, крикнул; ревел, выходил, расстилался, придавал, застал, страдал, забывался, просыпался; начинался, царил, сходили, бушевали, набрасывались, осаждали, врывались, коробилась, горели, горели, горели, горели, засыпало, горели, горел, горели, горели, находилось*), во второй, совпадающей с последним предложением, во всех примерах используется сказуемое со связкой (*не следует бегать; было причиной; можно было снести*). Несомненно, в формировании данной структуры текста участвует целый комплекс языковых средств, однако и тип сказуемого является составной частью этого комплекса. При этом какие-либо формальные и семантические правила не предписывают использования составного сказуемого в заключительной части фрагмента, во всех случаях возможна трансформация предложения с заменой составного сказуемого простым: *Зря он побегал от борзых. Бессоницу инженера Боброва вызвало нравственное и физическое переутомление. Люди это выносят*. Однако при такой замене перед нами будет совершенно иной текст, исчезнет некоторая завершенность фрагмента, членение текста на составные части будет иным, иной бу-

дет коммуникативная значимость частей, изменятся коннотации, ослабится субъективный компонент.

Таким образом, можно говорить об определенном аспекте текстовой функции типа сказуемого, заключающейся именно в организации такой коммуникативной единицы, как текст; сочетание разных типов предиката соотносится с определенным членением текста. В приведенных выше примерах составное сказуемое маркировало заключительную часть фрагмента, однако может существовать и противоположная структура: составное сказуемое, в особенности составное именное, в сочетании с другими средствами задает фон, служит исходной точкой для последующего развертывания текста. Интересно отметить, что эти закономерности проявляются не только в прозаическом тексте (ср. использование разных типов сказуемого, например, в стихотворении О. Мандельштама “Воздух пасмурный влажен и гулок ...”: *влажен, гулок, хорошо, нестрашно, понесу, взовьется, участвую, одинок, грянул, тяжелы, одурманены, позволь, позволь*), однако это требует, разумеется, специального рассмотрения. Отмеченные выше способы соотношения частей текста не являются единственно возможными, конкретных вариантов существует огромное множество, однако достаточно регулярно, как показывают наблюдения над текстами самых разных авторов, составное сказуемое соотносится с более прагматизированными частями текста. Думается, эта особенность проявляется и в следующем примере, где наблюдается постоянное переплетение повествования о некоторых действиях и оценки этих действий:

“Без сомнения, наше общество еще так дико (не то, что в Англии), что очень многие, — и в числе этих многих были те, мнением которых Алексей Александрович особенно дорожил, — посмотрят на дуэль с хорошей стороны; но какой результат будет достигнут? Положим, я вызову на дуэль, — продолжал про себя Алексей Александрович, и, живо представив себе ночь, которую он проведет после вызова, и пистолет, на него направленный, он содрогнулся и понял, что никогда он этого не сделает, — положим, я вызову на дуэль. Положим, меня научат, — продолжал он думать, — поставят, я пожму гашетку, — говорил он себе, закрывая глаза, — и окажется, что я убил его, — сказал себе Алексей Александрович и потряс головой, чтоб отогнать эти глупые мысли, — Какой смысл имеет убийство челове-

ка для того, чтоб определить свое отношение к преступной жене и сыну? Точно так же я должен буду решать, что должен делать с ней. Но, что еще вероятнее и что несомненно будет, — я буду убит или ранен. Я, невиноватый человек, жертва, — убит или ранен. Еще бессмысленнее. Но мало этого: вызов на дуэль с моей стороны будет поступок нечестный. Разве я не знаю вперед, что мои друзья никогда не допустят меня до дуэли — не допустят того, чтобы жизнь государственного человека, нужного России, подверглась опасности? Что же будет? Будет то, что я, зная вперед то, что никогда дело не дойдет до опасности, захотел только придать себе этим вызовом некоторый ложный блеск. Это нечестно, это фальшиво, это обман других и самого себя. Дуэль немыслима, и никто не ждет ее от меня. Цель моя состоит в том, чтобы обеспечить свою репутацию, нужную мне для беспрепятственного продолжения своей деятельности. (Л. Толстой. Анна Каренина.)

С переплетением двух линий, отмеченным выше, определенным образом соотносится и использование разных типов сказуемого: простого (*дорожил, посмотрят, вызову, продолжал, проведет, содрогнулся, понял, не сделает, вызову, научат, продолжал, поставят, пожму, говорил, окажется, убил, сказал, потряс, отогнать, определить, будет, не знаю, не допустят, не допустят, подверглась, будет, будет, не дойдет, не ждет, обеспечить*) и составного (*дико, будет достигнут, должен буду решать, должен делать, вероятнее, буду убит или ранен, убит или ранен, бессмысленнее, мало, будет поступок нечестный, захотел придать, нечестно, фальшиво, обман, немыслима*). Для линии повествования об Алексее Александровиче и цепи действий, которые он мог бы совершить, более характерно использование простых глагольных сказуемых, для линии, представляющей собой размышления, оценки, выводы самого Алексея Александровича, напротив, характерно использование составных сказуемых, в особенности — составных именных. Такое сочетание разных типов предиката в целом способствует построению связного текста, формированию многоуровневой, полифоничной структуры текста, еще более усложняющейся в результате использования глаголов определенной семантики, с помощью которых автор описывает речь, мысли, эмоции персонажа (*дорожил, продолжал, содрогнулся, понял, говорил* и т.д.), и глаголов, которые

употребляет другой субъект речи — сам персонаж (*посмотрят, вызову, научат, поставят, не допустят* и т.д.). Таким образом, соотносятся синтаксическое средство (тип сказуемого) и лексическое значение слов, образующих сказуемое. Аналогичное переплетение линий, в разной степени субъективно окрашенных, можно увидеть и в следующем примере:

— *Я верую!* — *шептала Маргарита торжественно,* — *я верую!* *Что-то произойдет! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука? Сознаюсь в том, что я лгала и обманывала и жила тайной жизнью, скрытой от людей, но все же нельзя за это наказывать так жестоко. Что-то случится непременно, потому что не бывает так, чтобы что-нибудь тянулось вечно. А кроме того, мой сон был вещий, за это я ручаюсь.*

Так шептала Маргарита Николаевна, глядя на туничные шторы, наливающиеся солнцем, беспокойно одеваясь, расчесывая перед тройным зеркалом короткие завитые волосы.

Сон, который приснился в эту ночь Маргарите, был действительно необычен. Дело в том, что во время своих зимних мучений она никогда не видела во сне мастера. Ночью он оставлял ее, и мучилась она только в дневные часы. А тут приснился.

(М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

В приведенном примере явно субъективно окрашенными, оценочными являются предложения с составным именным сказуемым (*сон был вещий, сон был действительно необычен*), определенную роль при этом играет и частичный синтаксический и лексический параллелизм этих предложений.

Таким образом, в целом мы видим, что тип сказуемого, в особенности составное сказуемое, его связочный компонент, выполняют определенные коммуникативно-прагматические функции в рамках предикативной связи, его действие может выходить за рамки предикативной связи и распространяться на все предложение или содержать отсылку к более широкому контексту или ситуации (Костанди 1996), участвовать в организации фрагментов текста или целого текста и, наконец, в формировании определенных типов текстов. Встает вопрос о том, чем обусловлены эти функции сказуемого и его разных типов. Можно предположить, что такая специфика составного сказуемого, т.е. сказуемого со связкой, в значительной степени определяется самим механиз-

мом членения сказуемого на составные части (попутно отметим, что при аналитическом выражении простого сказуемого отмеченные коммуникативно-прагматические особенности исчезают). Сам процесс членения уже предполагает дополнительные действия субъекта речи, следовательно, и дополнительную субъективность. Здесь можно провести некоторую аналогию, например, с однородными членами предложения, которые, являясь средством рематизации, меняют актуальное членение предложения, замена их обобщающим словом устраняет обязательность именно такого варианта актуального членения, ср.:

1. *Куда попадала эта струя, там листья бледнели, съеживались и увядали.* (ср.: *Куда попадала эта струя, там листья умирали.*) (В. Гаршин. *Attalea princeps*.)

2. *Я оставляю вас в покое: живите как хотите, ворчите друг на друга, спорьте из-за подачек воды и оставайтесь вечно под стеклянным колпаком.* (ср.: *Я оставляю вас в покое, живите по-прежнему.*) (В. Гаршин. *Attalea princeps*.)

3. *Я купил молоко, масло, хлеб, сыр, кофе.* \ *Я купил продукты.*

Как свидетельствуют примеры, разделение какого-либо компонента предложения на ряд составляющих делает эту часть предложения более коммуникативно значимой и, таким образом, связано с дополнительной субъективностью, прагматизированностью. Можно предположить, что это более общий механизм, характерный не только для, например, однородных членов предложения или составного сказуемого, но и затрагивающий всю языковую систему в целом: выделение составных частей это всегда выделение, осуществляемое кем-либо и, соответственно, уже даже на формальном уровне сигнализирующее о дополнительной субъективности.

Введение с использованием составного сказуемого связочного компонента ведет к “расслоению” предложения и текста. Если один член предложения, предикат, делится на две части, за каждой из которых закреплена своя основная функция, то эти части должны определенным образом связываться, соотноситься, появляется, с одной стороны, признак квантификации, с другой, направленности, процессуальности, а это также приводит к новым коннотациям, модальным изменениям, текстовым свойствам, которые на основе анализа другого материала и других признаков предиката рассматривает А. Тимберлейк (Тимберлейк, 1993).

Текстовые свойства составного сказуемого имеют, очевидно, еще одну причину, тесно связанную с названной выше. Связка в составном сказуемом либо практически лишена лексического значения (чистая связка: *Он умный человек. Книга интересная*), либо является полузнаменательной (*Он кажется умным человеком. Книга оказалась интересной*). В силу неполноты своего лексического значения связка изначально предполагает наличие присвязочной части. Предикат в целом, будучи лишь одним из главных членов предложения, требует наличия предмета предикации — подлежащего. Предикативная связь формирует предложение, которое, являясь коммуникативной единицей, обязательно, в свою очередь, предполагает наличие более широкого контекста, как речевого, так и внеречевого. В результате прослеживается цепочка реализации потенциальных текстовых свойств сказуемого, обусловленная постоянной отсылкой к более широкому контексту: связка — присвязочная часть — предикативная связь — предложение — текст — коммуникативная ситуация. Немаловажную роль играет и специфика отдельных типов составного сказуемого. Составным глагольным сказуемым может акцентироваться процессуальность при использовании фазисных связок или усиливаться модальный компонент при использовании модальных связок. Составное именное сказуемое тяготеет к большей статичности и тем самым в большей степени пригодно для выражения оценки, формулировки вывода. Эти свойства разных типов сказуемого могут участвовать, как в приводившихся выше примерах, в формировании определенных фрагментов текста, в структурировании текста.

Таким образом, простое и составное сказуемое и связка как часть последнего выполняют целый ряд коммуникативно-прагматических, текстовых функций. В настоящей работе был затронут прежде всего один аспект — роль составного сказуемого в структурировании текста, несомненно, требуется дальнейшее тщательное изучение самого разного материала с точки зрения использования в нем разных типов сказуемого. Художественный текст особенно ярко “высвечивает” потенциальные свойства языковых средств, зачастую позволяет увидеть их функциональные свойства, в меньшей степени проявляющиеся в других типах текстов. При этом, разумеется, каждый отдельный текст требует

специального анализа, в настоящей статье были отмечены лишь наиболее общие текстовые свойства предиката.

Литература

- Кинэн, Э. Л. (1982). “К универсальному определению подлежащего”. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 11, Москва: Прогресс, 236–276.
- Костанди, Е. И. (1996). “Тип сказуемого как способ моделирования языкового события”. *Daugavpils Pedagogiskā universitāte zinātniskie raksti. Humanitārās fakultātes V zinātniskie lasī. Serija A. Daugavpils: DPV izvedniecība “Saule”*, 160–166.
- Лекант, П. А. (1976). *Типы и формы сказуемого в современном русском языке*. Москва: Высшая школа.
- Лотман, Ю. М. (1994). “Лекции по структуральной поэтике”. В книге: *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис, 11–245.
- Тимберлейк, А. (1993). “Предикат как текст (модальность как квантификация)”. *Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация. Slavistische Beiträge*. Band 305. München: Verlag Otto Sagner, 209–215.
- Туровская, С. Н. (1998). “Высказывания о формировании намерения: функции связки”. *Slavica Tartuensia IV*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 207–212.
- Чейф, У. (1982). “Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения”. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 11, Москва: Прогресс, 277–316.

On the peculiarities of the textual function of predicate

The role of different types of predicate in the organization of the connected text is considered in the article. It is marked, that the using of the different types of predicate depends in the quantitative and functional aspects on a type of a text, and the linguistic analysis of a literary text calls out a special interest. Correlation between a compound predicate and pragmatic parts of a text is obvious, a type of a predicate may be a sing of more or less intensively expressed pragmatics. It is emphasized in the article, that the functions of predicates are caused by their potential textual

characteristics and by role of mechanism of division in the language and speech.

Öeldise tekstilise funktsiooni iseärasustest

Artiklis on käsitletud erinevate öeldisetüüpide rolli seotud teksti organisatsioonis, selle struktureerimisel. Täheledatakse, et erinevat tüüpi tekstides erineb ka öeldisetüüpide kasutamine nii kvantitatiivselt kui funktsionaalselt. Erilist huvi pakub sellest seisukohast ilukirjanduslik tekst. Autor toob välja liitöeldise seose teksti enim subjektiivsete, pragmatiseeritud osadega. Liitöeldise kasutamine võib signaaliseerida pragmatiseerituse astme muutumisest. Sellised predikaadi funktsioonid on tingitud tema potentsiaalsetest tekstilistest omadustest ja rollist, mida keeles ja kõnes mängib liigendumismehhanism.